

Ernst Křenek - «GESÄNGE des SPÄTEN JAHRES»,

Ернст Кшенек.

«Песни поздних лет»

ОСЕННЯЯ ЛИСТВА, КОРОТКИЙ ДОЖДЬ

У калитки сада стояла ты печальная.
Осенняя листва, короткий дождик
были окруженьем милой головы.
Ты погрузилась в зыбкий сумрак
длинной улицы и сердцу больно стало -
осенняя листва, короткий дождь.
А впереди цветущий день, а здесь
неподалёку светлеющее озеро и в дымке
солнечной такая мягкая округлость гор,
Но мне досталась только
короткий дождь, осенняя листва...
О нет, не забывай меня,
идя по тёмной улице, припомни
огонёк, в окне горящий
напрасно...
Короткий дождь, осенняя листва...

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Один,
под солнечной листвой осенней
сизу я за вином,
и колоколом одиночество нависло.

Один,
как всё в природе:
как дерево в лесу,
как камень уличный,
который не обязан ничем и никому –
сам по себе, в согласии со всем.

И припадая страстно к толстому стеклу,
я пью и пью один многозначительный глоток.
и жду и жажду единения с миром.
Душа покоя ищет, познавая то,
что ей обычно знать не суждено:
где мера счастье в нищете,
что мера радости и горя?
Попробуй, даже осознание
стало б наказаньем.

Но до того ещё, как солнце
поспешно за высокий край горы зайдёт,
невероятное вдруг станет явным.
Как внезапно
поблекли горы!
Стал серым сад,
холодным небо:
нев्यразительным и мрачным
явилось то, что прежде было ярким.
Это –
конец застолью.
Ночь.
Настала ночь.

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Всё тише едешь ты, возлюбленная жизнь,
всё глубже проникаешь
в загадочную бездну сна –
природы пропасть равнодушья.

Нет больше причинённого тобой удушья.
Но лишь мечтательные звуки – с высот
призыв к тебе: из призрачной долины сна
слабеющий ответ.

Уж многократно изменённый,
печальный облик изнурённый
окутан тайной, свет преображённый
туманит одинокую свечу.
И робко тикает бессонный
будильник на столе,
сквозь стены капают созвучия, унисоны -
рояль, звучащий вдалеке.

Сквозь пласт высоких
облаков,
светло-сиреневых,
проносится холодная луна,
как горькая примета дня
прошедшего земного времени,
примета милости далёких
иных миров.

БАЛЛАДА О КОРАБЛЯХ

Я корабли свои отправил на рассвете,
сияло солнце невозмутимо.

Своею Верой
я наполнил трюмы,
и – крепче мачтового дерева –
Надеждой.

Но из-за того, что
под тяжким грузом корабли осели,
касаясь краем борта вод,
друзья решили,
будто я – богат
несметными богатствами владею,
и они меня любили, почитали.

Но солнце уж давно зашло.
Вот серая скала над морем,
видите? Она уж поглотила
далёкий горизонт,
и вот
порыв всеокрушающего ветра
несётся. Чувствуете,
как земля дрожит,
как океан вздымает
невообразимо
высокие валы?
Здесь корабли мои
пойдут ко дну, и будет
разрушена и сметена Надежда,
Вера – бесценное сокровище моё –
погрузится глубоко
в пучину вод.

И вот,
моим друзьям раздолье насмехаться,
все видят: просто я – глупец;
с недавних пор враги
нашли другую жертву, слабый след
мой по ветру кружится.

БАЛЛАДА О ЗАСТОЛЬЕ

«Изначально мы приглашены на пир», –
говорим мы стражу у ворот.
За уверенностью тона скрыт страх.
Пропуская нас вперёд,
головой слегка кивнёт страж,
кажется, он знает всё про нас.
И мы идём.
Идём, идём...
Как долго нам
идти по этим,
один темней другого, коридорам?
Мы ищем, где же тут застолье?
И вначале
мы были очень терпеливы:
замок-то большой, и безусловно,
стол не накроют в первом зале.
Так мы друг с другом рассуждали,
при виде множества дверей
раскрытых, но туда мы не ногой.
Ну, а позднее
возникнет беспокойство,
во всяком случае, желание всем вместе
пройти назад к воротам замка,
И хотя мы убедились, там нет застолья,
но, возможно,
произошла нелепая ошибка.
Итак, идём мы дальше, дальше
в сердце постепенно
зреет страх,
наш шаг
то замирает он, то слишком скор.
И оттого, что не находишь пир,
тоска по празднику острее. Но теперь
нам хочется обратно непременно:
мы заблудились, дальше нет пути,
находим за собой лишь запертые двери.
Назад, назад... А двери заперты.
Затравленные, мы бежим, мы так должны,
обязаны попасть на пир!
Каким бы ни был замок
огромным,
должен быть конец,
и праздник будет там наверно!
Ах, как быстро проходит время!
Как поздно,
что же делать,
если пир пройдёт без нас?
Порою в мрачном коридоре встретишь
людей, к которым можно обратиться.
Но одни

(по лицам, видно, что они
дорогу знают) – либо немые,
либо
парализованы,
не могут указать пути.
Другие говорят, но слепы,
им дорога не была известна никогда.
Но иногда
мы чувствуем, что где-то
застолье рядом: слышим музыку
и слышим шум гостей.
Должно быть в ближнем зале
они беспечно и высокомерно
справляют праздник свой,
до нас, заблудших дела нет.
Вот, здесь наверное
должна быть дверь! Но нет...
и замирают звуки в отдалении,
и зал как будто ускользает,
как корабль в теченьи
туманном вечера...
И безнадежно,
плетёмся дальше мы,
и мрачный коридор всё тот же.
А скоро уж светать начнёт.
И где же тот
хозяин, нас пригласивший вдруг? –
Где-где?
Да, разве он нас ждёт?
А может праздник уж давно закончен,
и то, что слышим мы – далёкий звук
потерянный не точный,
парящий в пустоте?

Ах, почему так мало знаем мы,
кроме того, что сами испытали.
И почему тогда мы так слабы,
что это нас так трогает, так задевает?

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

То, что пространству Любви
присуще время изумляет нас.
Но и у времени Любви
имеется пространство.
И всё, чем ты располагаешь, —
это время.

Отринутая всеми,
Любовь приходит к нам,
и добрым псом она у ног ложится,
тому лишь рада, что допущена она,
счастливая уж тем, что нам принадлежит.
Собака бессловесная.

Проходит время, и не угасает свет,
лучинка долгой ночью страхи изгоняет.

Возможно втайне
ты согласен с первоосновным:
значение и достоинство вещей
определяется их сущностью.
Я отделён от них, и низведен
до положенья неопределённого,
присущего всему земному.
И то что ты, теряя постоянно, всегда имел,
есть то, всегда желанное тобой,
но не являвшееся никогда твоим.

Любовь, ты для меня — пример,
опора, импульс — и одновременно —
источник, цель.

Как спящие часы, что издалёка
внемлют картинам жизни,
разрозненным звукам.
Мы сомневаемся вдруг, и по крохам
латаем эха радиосумбур.

Но есть ли смысл для нас двоих
корабль сомнений шаткий и воздушный
принять за истинно надёжный
материк?
Не стоит говорить о крахе! Сегодня
слабеет страх уничтоженья.
На гребне головокружительном сквозь время,
пространство, в плаванье бурном мы ищем спасения.
Сзади — бессмысленность, некое нечто;
спереди — непобедимое эхо —
мизерный призрак пустого триумфа!

